УДК [316.334.56:32](1-21)

ЧУМАКОВ Д.С.

Мегаполис как социальный и политический феномен

В статье автор анализирует мегаполис как социально-политическое пространство, делая акцент на выявлении его социальной и политической сущности. При этом рассматриваются характерные для мегаполиса социальные и политические процессы, его ключевые функции на национальном и глобальном уровнях, а также особенности взаимодействия мегаполиса с другими социально-политическими системами.

Ключевые слова: мегаполис, политический актор, политические процессы, глобализация, политический центр, социальное и политическое пространство, социально-политический феномен.

Для того, чтобы понять социальную и политическую сущность такого современного явления, как мегаполис, необходимо прежде всего обратиться к рассмотрению некоторых теоретических и исторических теорий и концепций, объясняющих закономерности конструирования социально-территориального пространства, появления, эволюции и развития городов и превращения их в современные глобальные города-мегаполисы.

Первая базовая концепция, на которую опираются многие ученые, анализирующие экономическое, социальное и политическое развитие городов и мегаполисов, – это так называемый подход "центр–периферия," из которого впоследствии выросла теория глобальных городов, сформулированная и описанная в конце XX – начале XXI века С. Сассен[1]. Теория "центр–периферия" объясняет, почему в пространстве всегда существуют центры (города и мегаполисы) и периферии. Центры необходимы для того, чтобы создавать инновации, а для этого они стягивают ресурсы из периферии: человеческие, финансовые, культурные и всех других видов. Только концентрация ресурсов позволяет центрам (мегаполисам) создавать инновации. Вторая компонента центро-периферийной теории такова: родившись в центре, инновации двигаются затем на периферию. Двухтактный механизм: сначала вперед вырывается центр, потом, передавая инновации, он подтягивает за собой периферию.

Вторая теория – диффузии инноваций Хегерстранда, она объясняет, как инновации, в том числе и социальные, и политические, рождённые в центре (мегаполисе), распространяются в пространстве. Направления два: на ближайшие полупериферийные пространства, то есть в пригороды (ближняя диффузия), и по иерархической системе городов – от крупных к менее крупным (дальняя диффузия). Любая инновация, появившись в крупнейшем центре, начинает двигаться в центры меньшего размера и потом на периферию. Так развивается и организуется пространство. Логика очень простая: пространство нигде и никогда не развивается равномерно. Это не апология неравенства, а объяснение его естественного, объективного происхождения.

Существует также теория появления и развития городов, а впоследствии и мегаполисов, согласно которой они появились

для исполнения в социально-территориальном и политическом пространстве двух базовых функций – защиты и подавления, которые современные мегаполисы исполняют и до настоящего времени. Согласно данному подходу именно городское пространство вынудило представителей различных родов сосуществовать друг с другом. Таким образом, городской образ жизни воспитывал в них терпение по отношению друг к другу, но в то же время создавал новое (пусть и потенциальное) поле для конфликтов, конструируя тем самым потециально и реально агрессивное пространство. Для того, чтобы удержать потенциальный конфликт от актуализации, необходима была власть, причем весьма авторитарного типа. Поэтому город по своей социальной и политической сути вертикален и иерархиезирован, и это отражается не только в его ландшафте, но и в способе организации власти. Некоторые специалисты делают вывод, что вертикальная по своей сути архитектура города напрямую связана с развитием политической вертикали власти.

Как справедливо отмечают ряд специалистов, крупные городские метрополии, выросшие в Азии, Северной Африке и Южной Америке, держатся не только на новом сложном социальном и политическом устройстве, именно здесь впервые формируются собственно экономические отношения, появляются деньги и обмен товарами. Это, в свою очередь, расширяет нарастающую волну отчуждения и создает почву для формирования социальной и политической функциональности. Именно город формирует пространство социальной, а следовательно, и политической самоидентификации через функцию – появляются не просто члены семьи или рода, но горшечники, каменщики, торговцы, красильщики, солдаты, чиновники различного ранга, соответствующие структуры и т. д. В некоторых древних городах и в городах средневековой Европы формируются целые функциональные кварталы со своей организацией и спецификой отношений. Уже здесь пространство города весьма неоднородно и в дальнейшем на всем протяжении истории все больше и больше усложняется как социально, так и политически.

Город средневековой Европы – центр образования, пространство свободы – продолжает волну отчуждения, формируя сначала ремесленные корпорации, а затем новый класс – буржуа. Начиная с эпохи Нового времени происходят значительные преобразования во всех сферах общественной жизни, которые в разной степени распространились практически по всей Европе, разрушая традиционные общества и постепенно создавая кардинально новый тип цивилизации. Начало этому положила Промышленная революция, которая изменила образ жизни миллионов, а урбанизация приобрела доселе невиданные масштабы, сформировав привычный для нас образ мегаполиса.

Таким образом, можно сказать, что к середине XX века в мире воцаряется “индустриальная цивилизация”, а город начинает функционировать в режиме мегаполиса, то есть процессов производства-потребления, а все инфраструктуры начинают подчиняться этим законам. Капиталистическое общество главным образом базировалось на массовом производстве и распределении, массовом распространении не только продукции, но и культурных, социальных и политических норм и образцов поведения, массовой унификации и единообразия. Все это привело к тому, что на одном уровне город эпохи Индустриальной революции (мегаполис) создал замечательно интегрированную социальную и политическую систему со своими специфическими технологиями, социальными и политическими институтами и информационными каналами, все элементы которой органично связаны и взаимозависимы. В то же время на другом уровне мегаполис разрушил лежащее в основе социально-политической системы единство социума, конструируя образ жизни, насыщенный экономической, социальной, политической напряженностью и даже латентными и открытыми конфликтами[2].

По мнению некоторых исследователей, современные мегаполисы как бы возрождают на новом витке эволюции структуру античных полисов – городов-государств с прилегающей к ним округой[3]. Но парадокс заключается в том, что мегаполис, возникая благодаря расширению границ полиса, во многих отношениях перестает быть полисом по сути. То есть он перестает быть пространством “общего дела”, отсюда и

неминуемый кризис политики. В связи с этим уместно обратить внимание на теоретические воззрения Платона и Аристотеля о том, что город-государство должен быть не слишком мал – иначе ему не прокормить себя, ни слишком велик — иначе он не удержит свои границы, утратит свою рациональность и упорядоченность. В мегаполисе не только ни одна площадь не вместит всех граждан-горожан, но и ни одно дело не объединит их всех. Так что в мегаполисе возможны скорее микросообщества, которые к тому же неустойчивы – ситуативно возникают и так же ситуативно распадаются. Более того, зачастую эти микросообщества складываются не благодаря непосредственному общению, а благодаря коммуникации в медиасреде. Мегаполис пронизан сетью медиа; прежде всего именно она и удерживает его единство. В этом смысле можно говорить о том, что имеет место коренное сращивание, вплоть до неразличимости медиасреды и ландшафта мегаполиса, образующее особое, метромедиальное пространство[4].

Для обозначения городов, в которых сосредоточено столько разнообразных функции, начиная от контроля над мировой экономикой, заканчивая вопросами культурного сотрудничества, разные исследователи используют разные термины: “город мирового значения” или “мировой город” (Ф. Бродель, Дж. Фридман, В. Гетц), а С. Сассен предпочитает термин “глобальный город”. Эти города, по их мнению, характеризуются главным образом тем, что являются центрами международной активности.

По мнению других специалистов, сегодня мегаполис – это прежде всего нерасчленимый поток информации, транспорта, коммуникаций, и поэтому рассматривать его нужно с позиции парадигм информационного общества, сформулированных Э. Тоффлером и Д. Беллом. Суть их заключается в том, что характер экономического, социального и политического отчуждения в рамках мегаполиса изрядно меняется, так как революционизирующее действие информационных технологий приводит к тому, что в обществе нового типа классы заменяются социально и политически не дифференцированными “информационными сообществами”. Они носят в основном чисто виртуальный характер, а поэтому формируются и распадаются с неимоверной скоростью, порождая новый пласт проблем[5].

В связи с этим можно утверждать, что мегаполис – это не только большая застроенная территория, это еще и сложная социально-экономическая и политическая система, которая динамично развивается и активно взаимодействует с внешней средой, оказывая на нее как позитивное, так и негативное влияние.

Таким образом, в различных контекстах мегаполис можно трактовать, изучать и анализировать как административную и территориальную единицу, самоорганизующееся и самоуправляющееся сообщество, социально-культурный организм, экономический актор (субъект хозяйственной активности), инфраструктурный комплекс, объект управления и т. д.[6]. Имеет феномен мегаполиса свою трактовку и с точки зрения современной политической науки, базирующуюся на теориях новой политической субъектности, неоинституциональной теории и концепциях групповой активности.

Так, в частности, в рамках одного из теоретических течений в рамках политической науки – конструктивизма – отмечается, что мир постоянно меняется, и сами люди вызывают эти изменения, создавая новые институты, отношения и т. п., которые фактически и выступают акторами мировой и национальной политики. Поэтому конструктивисты призывают особое внимание уделять социальным, этническим, религиозным и др. группам. Изучать, как они определяют свою идентичность, свои интересы и т. д.

Это объясняется тем, что в течение более трех столетий в рамках Вестфальской системы, сформированной по итогам Тридцатилетней войны, в Европе политическими акторами, определяющими развитие сначала Европы, а затем по мере ее распространения на другие континенты и мира, были государства (отсюда и иное название политической системы – государство-центричная политическая система). Во второй половине XX столетия на мировую арену вышли и иные акторы, не учитывать интересы и деятельность которых стало затруднительно[7]. Одним из таких новых политических акторов стали социально-территориальные образования,

ярким воплощением которых стали современные мегаполисы.

Внутригосударственный регион как национальный и транснациональный актор обладает иными ресурсами, нежели государство, и часто выступает в национальной и мировой политике как мегаполис с прилегающими территориями. Эти образования могут успешно развиваться, становясь, по образному выражению О. Андерсона и его коллег, воротами в глобальную экономику и политику[8]. Наличие "ворот" создает региону или мегаполису огромный ресурсный потенциал: на небольшой территории сосредоточиваются политические, финансовые, экономические структуры, международные организации, располагаются научные, исследовательские учреждения, а также университеты, театры, библиотеки и т. д. Столичный мегаполис отличается еще и тем, что в нем находятся властные структуры, штаб-квартиры политических партий и движений. Фактически именно на территории внутригосударственного региона, или в мегаполисе, действуют другие акторы мировой политики. Ресурсы мегаполиса, накладываясь один на другой, тем самым усиливаются. Находясь в центре экономической и социальной жизни (в этом плане мегаполис, или регион, может быть сравним с транснациональной корпорацией), мегаполис объективно выходит за пределы хозяйственной деятельности и начинает играть все более существенную политическую роль[9].

Также к особенностям мегаполиса помимо больших размеров относят его ведущую роль как делового, политического и финансового центра национального и мирового уровня, наличие международных организаций, выдающееся значение как центра культуры и искусства, роль крупного международного транспортного узла, развитость сферы услуг, концентрацию высококвалифицированных видов деятельности[10]. Современные мегаполисы играют большую роль в экономике своих государств. Так, например, в европейских странах на долю мегаполисов приходится до 50% ВВП: Копенгаген обеспечивает 49,6%; Дублин, Брюссель, Хельсинки, Будапешт – более 40,00%; Вена, Лондон, Париж, Стокгольм – 28–34%[11].

Вне зависимости от экономической и политической активности мегаполиса и численности его населения его контакты начинают занимать все более значимое место в системе международных отношений. В этой связи существенно расширяется сфера деятельности мегаполиса, а также его возможности как участника международных взаимосвязей и отношений. Так, в частности, в условиях кризисного развития мегаполисы являются по своей сути микромоделями системы международных отношений, поскольку в них происходит взаимодействие различных политических институтов, социальных групп, политических культур. Города-мегаполисы склонны к процессу укрепления связей со своим "хинтерландом" (область, район, прилегающая к административному или промышленному, торговому центру), концентрируя тем самым положительный опыт и формируя определенные механизмы политической устойчивости и адаптации к быстро изменяющейся ситуации как на международной арене, так и внутри страны[12].

Еще одним важным моментом, раскрывающим социально-политическую сущность современного мегаполиса, является проблема социальной и политической идентичности в мегаполисах и тесно связанная с ней тенденция роста латентной и открытой напряженности во всех сферах общественной жизни. К факторам, конструирующим идентичность в условиях мегаполиса, относятся условия бытия, традиции и инновации в среде жизнедеятельности, содержащиеся в них активные и скрытые способы оценивания и трактовки социальных, политических и бытовых явлений, структурные и организационные формы, способствующие воспроизведению определенного типа личности[13].

По мнению Ж. Бодрийяра, в мегаполисе представлены все элементы и компоненты социальности в идеальном комплексе, но ускорение и интенсификация ее процессов свидетельствуют об утере ими целостности и органичности, о дезинтеграции и дезорганизации[14]. М. Кастельс, развивая эту тему, отмечает, что мегаполисы внешне связаны с глобальными экономическими и социально-политическими сетями и планетарными сегментами их собственных

государств, но внутри они убирают из глобальных сетей локальные сообщества, которые представляются или социально и политически "опасными", или структурно и функционально лишними. Властные и социально-политические иерархии мегаполисов нечетки и перемешаны. Они представляют собой полные трещин констелляции пространственных фрагментов, функциональных отрывков, социальных и политических сегментов. Такая характерная особенность внутренней мозаичности, глобальной инклюзивности и местной эксклюзивности, социальной, политической и физической, делает, по мнению М. Кастельса, мегаполисы принципиально новой урбанистической средой[15]. В связи с этим полиэтнизм, как характерная черта социокультурного и политического пространства мегаполиса, характеризуется вариативностью своего проявления[16].

Как отмечают многие исследователи, в мегаполисе при высокой плотности населения и интенсивности социальной коммуникации происходит в случае негативного воздействия деградация социальной инфраструктуры и возрастание социального и политического напряжения[17]. Благодаря концентрации политических и социальных проблем в крупных городах происходит объективный процесс превращения современного мегаполиса из места в процесс, поскольку существенно изменяется пространство[18].

В связи с этим для анализа социальной и политической сущности современных мегаполисов целесообразно обратиться к рассмотрению характерных для них и присущих им свойств и функций. Для этого можно использовать как чисто функциональный, так и системный подходы. На взгляд автора, в рамках исследования наиболее продуктивно чисто функциональный подход к анализу мегаполисов дополнить системным подходом, так как первый направлен в основном на определение экономической и социально-политической важности и значимости осуществляемых ими функций, а второй подход фокусируется на комплексности и системности этих функций, а также рассмотрении мегаполиса как подсистемы национальной и глобальной социально-политической системы.

Так, в частности, опираясь на российский и зарубежный опыт исследований мегаполисов, А. Новосельцева обозначает следующие основные функции, характерные для мегаполисов как центральных составляющих как мирового, так и национального экономического и социально-политического пространства: командно-административная, организационно-институциональная, сервисная, социокультурная, интегральная, информационно-коммуникационная, пространственно-организационная[19].

Командно-административная функция мегаполисов проистекает из того, что они являются сосредоточением важнейших людей, институтов и структур, на практике реализующих администрирование мировых и национальных процессов. К этому добавляется то, что именно в мегаполисах создаются новейшие тренды и определяются ключевые направления общественного развития, формы и основные модели экономической и социально-политической активности, а также принимаются важнейшие решения как на государственном, так и на глобальном уровне. Сосредоточение значительных по национальным и глобальным меркам ресурсов определенно делает многие мегаполисы ключевыми местами создания новейших товаров и идей, появления инновационных форм активности и обусловливает их стратегическое позиционирование как экономических и политических командных пунктов как на уровне отдельных государств, так и на мировом уровне[20].

Организационно-институциональная функция мегаполисов состоит главным образом в создании системы нормативных и формальных моделей, обусловливающих функционирование экономической, социальной и политической сфер в соответствии с основными законами и векторами развития окружающей институциональной среды. Мегаполисы являются территорией, на которой правовые и неформальные отношения национальных и транснациональных экономических и социально-политических агентов приобретают конкретные, характерные для данной институциональной среды формы. Помимо этого мегаполисы представляют собой площадки для диалога и совместной деятельности государственных и бизнес-структур, НКО и

НПО, местных сообществ, а также других социальных и политических агентов. Размещение на территории мегаполиса легислатур, имеющих широкое ведение и распространяющих свою власть на многие уровни государственного управления, благоприятствует созданию новых норм и образцов поведения и их быстрому закреплению на практике в форме институтов.

Сервисная функция характеризуется тем, что мегаполисы обеспечивают развитие реальной и интеллектуальной инфраструктур, которые необходимы для протекания национальных и глобальных процессов, обеспечения экономического, политического, социально-культурного, информационного взаимодействия социальных, политических и экономических акторов, действующих на всех уровнях.

Социокультурная функция мегаполисов многогранна и включает конституирование образованной, мобильной, высококвалифицированной элиты; производство и трансляцию этических и поведенческих стандартов и образцов, тиражирующихся в национальном и мировом масштабе; обеспечение и поддержку мультикультурализма и веротерпимости, развитие и совершенствование демократических ценностей и механизмов функционирования гражданского общества.

Интегральная функция мегаполисов проявляется в обеспечении доступа к национальной и мировой экономике и политике огромным пространствам, находящимся в сфере их геополитического и экономического притяжения и влияния.

Инновационная функция мегаполисов направлена на обеспечение условий для перманентного создания и распространения инноваций в экономической, социальной и политической сферах; конструирование технологической и административной инновационной среды; продвижение новейших форм активности и типов территориальной, структурной, социальной и политической организации разнообразных процессов; пространственную диффузию инноваций. Концентрация высококвалифицированной рабочей силы, образовательных и научных институтов и позволяет мегаполисам застолбить за собой функцию ключевого центра инновационной активности.

Информационно-коммуникационная функция мегаполисов заключается в генерировании, накоплении и транслировании информации, эффективном упорядочении информационных потоков, осуществлении массовой коммуникации подавляющего большинства экономических и социально-политических акторов. Информационная сущность мегаполисов дает им возможность управлять стратегически значимой экономической и политической информацией, которая детерминирует характер и вектор финансовых потоков и властных ресурсов.

Пространственно-организационная функция мегаполисов состоит в создании стабильности и устойчивости социально-политической и территориальной среды, конструировании моделей пространственной организации национального и глобального социально-экономического и политического пространства. Кроме того, мегаполисы играют ключевую роль в пространственно-территориальной организации глобальной экономики и политики, определяя условия локализации субъектов, территориальные диспропорции, конституируя атрибуты территориального взаимодействия (например, таких как центральность или трансграничность), конструируя комплексы горизонтальных сетей и вертикальных связей, формируя территориальные процессы и генерируя тренды организационного реформирования социально-политических пространств различного уровня[21].

Как показывают многие исследования, появление большого самоорганизующегося и самоуправляющегося пространства в социальных и территориальных системах в основном тесно связано с возникновением меньших по размеру структурных элементов и подсистем. Самоорганизация мегаполиса как единого целого предопределяет самоорганизацию составляющих его элементов и подсистем – социальных и политических групп, институтов, административной и политической системы. В связи с этим в недрах каждой самоорганизующейся системы существуют механизмы самоорганизации “второго порядка”, поэтому внутри мегаполисов постоянно появляются новые саморегулирующиеся системы, такие как социальные и политические институты, религиозные и

этнические сообщества, социальные движения, политические партии, группы интересов и давления[22].

Современные крупные города являются не только средоточием населения страны, но и центрами ее политической, экономической, общественной жизни, они играют ведущую роль в территориальной системе расселения и хозяйствования, являются основными транспортными узлами, связывающими регионы между собой и с остальным миром. В России крупные города, как правило, являются центрами субъектов РФ и вносят большой вклад в развитие региона[23]

Данное положение вещей базируется на теории кумулятивного роста, сформулированной Г. Мюрдаль, который показал, что с помощью специализации и эффекта масштаба незначительное преимущество территории со временем может быть многократно приумножено. Перенос ключевых положений этой теории на мегаполисы и регионы приводит к выводу, что преимущества определенных районов – так называемых точек роста, которыми являются мегаполисы – обусловливают ускорение развития регионов.

Многие крупные теоретики (А. Вебер, Х. Ричардсон) считали основным фактором ускоренного роста региона крупные городские агломерации, способствующие снижению производственных издержек. Так, по мнению Х. Ричардсона, именно мегаполисы – скопления городов или отдельные очень крупные города – являются "полюсами роста" экономики региона и страны. Именно региональная агломерационная экономия издержек производств и стимулирует приток в регионы высокопрофессиональных специалистов, ученых, технический прогресс и рост производительности труда, оказывая сильное воздействие на процессы размещения предприятий и приток внешних инвестиций[24].

В заключение необходимо отметить, что для мегаполисов доминирующей характерной чертой, определяющей их социально-политическую сущность, служит не столько размер занимаемой ими территории, сколько функциональная и ресурсная обеспеченность, аименно их способность выступать ключевыми экономическими и политическими центрами на всех уровнях, аккумулировать в своих руках управленческие, производственные и властные функции, управлять СМИ и информационными коммуникациями, а также общественным мнением, генерируя новые ценности, нормы и образцы поведения.

Как подметил еще М. Кастельс, не все из мегаполисов являются мировыми экономическими и политическими центрами, но они связаны с мировой системой огромными человеческими ресурсами. К тому же они служат своеобразными точками притяжения для государств и даже континентов, на территории которых они находятся, поэтому при оценке социально-политического потенциала мегаполисов необходимо учитывать и их интеграционный потенциал для данных пространств[25].

Пространство мегаполисов также обеспечивает многочисленные возможности для непрерывной генерации условий для интенсивного сетевого взаимодействия разнородных социальных групп, обеспечивающего формирование новых институциональных структур, необходимых для инновационного развития общества[26]. В связи с этим мегаполис как особое социотерриториальное сообщество характеризуется высокой плотностью и разнообразием информационных потоков и индивидуального, группового и стратификационного взаимодействия, генерирует атомизацию личностного бытия и кризис социального сознания. В современном мире мегаполисы являются результатом развития городского пространства, символом функциональной взаимосвязанности и прогресса, так как в них присутствует аномально высокий уровень экономической и политической активности, большие потоки финансов и информации, массовая мобильность населения, высокая медиация коммуникации и производство социально-политических и экономическим смыслов и образцов в глобальном, национальном и региональном масштабе[27].

Мегаполисы – это не только социально-территориальные, но также политические и культурно-цивилизационные сообщества, специфические пространства с полифункциональным статусом. Они являются воплощением тенденций и процессов глобализации и ее активными субъектами, являющимися ее особыми полюсами, формирующими

полицентризм национального и мирового политического пространства, его дихотомию. В связи с этим можно утверждать, что мегаполис – это не столько большая застроенная территория, сколько еще и сложная социально-экономическая и политическая система, которая динамично развивается и активно взаимодействует с внешней институциональной и нормативной средой, оказывая на них как позитивное, так и негативное влияние.

[1] См.: Сассен С. Глобальный город: введение понятия // Глобальный город: теория и реальность / Под ред. Н. А. Слуки. М.: ООО "Аванглион", 2007.

[2] См.: Савенкова Е.В. Город: история отчуждения // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Философия. Филология. 2007. № 1.

[3]См.: Турченко В.Н. Мегаполисы как центры межэтнических противоречий // Декларация прав культуры Д.С. Лихачёва и проблемы современного мегаполиса. Сборник докладов участников международной научно-практической конференции "Декларация прав культуры Д.С. Лихачёва и проблемы современного мегаполиса" (28–29 ноября 2009 г., Новосибирск) / Под общ. ред. В.П. Казначеева. Новосибирск: ЗСО МСА, 2009.

[4] См.: Иваненко Е.А., Корецкая М.А., Савенкова Е.В. Мегаполис: Левиафан с человеческим лицом // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Философия. Филология. 2009. №1.

[5] См.: Савенкова Е.В. Город: история отчуждения // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Философия. Филология. 2007. №1.

[6] См.: Метелева Е.Р. Стратегическая оценка роли городов в условиях глобализации // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2007. № 5.

[7] См.: Лебедева М.М. Акторы современной мировой политики: локальные действия – глобальные последствия // Пространство и время в мировой политике и международных отношениях: материалы 4 Конвента РАМИ. В 10 т. / Под ред. А.Ю. Мельвиля; Т. 1: Акторы в пространстве и времени мировой политики / Под ред. М. М. Лебедевой. М.: МГИМО-Университет, 2007. С. 44–46.

[8] См.: Ворота в глобальную экономику / Под ред. О.Е. Андерссона, Д.Е. Андерссона; Пер. с англ. Под. ред. В. М. Сергеева. М.: Фазис, 2001.

[9] См.: Лебедева М.М. Акторы современной мировой политики: локальные действия – глобальные последствия // Пространство и время в мировой политике и международных отношениях: материалы 4 Конвента РАМИ. В 10 т. / Под ред. А.Ю. Мельвиля; Т. 1: Акторы в пространстве и времени мировой политики / Под ред. М. М. Лебедевой. М.: МГИМО-Университет, 2007. С. 51–52.

[10] См.: Максимов С.Н., Семененко В.В. Особенности и проблемы развития современных мегаполисов // Проблемы современной экономики. 2012. № 2.

[11] См.: Еремеев С.Г. Мегаполис в национальной инновационной системе // Вестник института экономики РАН. 2009. № 2.

[12] См.: Нистарова А.А. Роль мегаполисов в социально-философском осмыслении глобализационных процессов // Современные исследования социальных проблем. 2013. № 1.

[13] См.: Осадчая Г.И. Стиль жизни молодых горожан: трансформация и региональная дифференциация // Социс. 2002. № 10.

[14] См.: Бодрийяр Ж. Город и ненависть. http://www.gumer.info/bogoslov _Buks/Philos/Bodr/Gor_Nas.php

[15] См.: Кастельс М. Информационная эпоха. М.: ГУ ВШЕ, 2000. С. 379.

[16] См.: Ревина Е.В. Личностно-национальная идентичность в современной урбанистической культуре // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. №1.

[17] См.: Губина Н.В. Уровень проблемности жизни как показатель социального тонуса // Социс. 2006. № 9.

[18] См.: Нистарова А.А. Роль мегаполисов в социально-философском осмыслении глобализационных процессов // Современные исследования социальных проблем. 2013. № 1.

[19] См.: Новосельцева А.С. Ключевые функции мегаполисов в глобальной экономике: системность исследования // Вестник ВолГУ. Серия 9. 2011. Вып. 9.

[20] См.: Sassen S. The Global City: New York, London, Tokyo. Princeton: Princeton University Press, 1991.

[21] См.: Ткаченко А.А. Территориальная общность в региональном развитии и управлении. Тверь, 1995. С. 13–14.

[22] См.: Туркина В.Г. Город в постнеклассической парадигме // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2008. № 4.

[23] См.: Максимов С.Н., Семененко В.В. Особенности и проблемы развития современных мегаполисов // Проблемы современной экономики. 2012. № 2.

[24] См.: Корчагин Ю.А. Региональная финансовая политика. Воронеж: ЦИРЭ, 2005.

[25] См.: Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: Изд-во ГУ–ВШЭ, 2000.

[26] Новосельцева А.С. Тенденции развития мегаполисов во второй половине XX – начале XXI века // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 9: Исследования молодых ученых. 2010. № 8-2.

[27] См.: Сергеев В.М.. Доверие и пространственное взаимодействие социальных сетей // Полис. 2007. №2.